

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ В КОНТЕКСТЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ПОВОРОТА ПОСТМОДЕРНА

Элина Усовская

Кандидат культурологии,

Доцент кафедры культурологии

Белорусского государственного университета (Беларусь)

usouskaelina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7828-9380>

Резюме. Прошлое как объект повседневной реальности и научного осмысления стало одним из ключевых во второй половине XX в. и настоящего времени. Об этом свидетельствует мемориальный поворот постмодерна и оформление в отдельную отрасль исследований, касающихся проблематики культурной, коллективной памяти, философии и истории. В статье выявляются причины и формы обращения к прошлому, рассматриваются философско-культурные аспекты феномена памятования.

Цель: эксплицировать культурно-философские детерминанты обращения к прошлому в контексте мемориального поворота постмодерна.

Методология: в статье были использованы системный, функциональный, историко-культурный, визуально-семиотический и компаративный методы.

Научная новизна состоит в комплексном анализе мемориального поворота как феномена культуры постмодерна.

Ключевые слова: философско-культурный дискурс, прошлое, мемориальный поворот, постмодерн, культура XXI в., темпоральность, визуальный поворот, образность, дигитализация, память, война.

Введение. Постмодерн как парадигма и период развития цивилизации и культуры 1960–90-х гг. открыл ряд так называемых культурных поворотов, среди которых одним из парадоксальных стал коммеморативный, или мемориальный, относящийся к памяти, а значит, к представлениям о прошлом, настоящем и будущем, а также о том, что и как помнить. Он был подготовлен технологическими, научными и интеллектуальными достижениями рубежа XIX–XX вв., которые существенно меняли представления о времени, о чем свидетельствует теория памяти Анри Бергсона («Материя и память», 1896 г.), сыгравшая впоследствии для Жюль Делёза важную роль в формировании концептов события и длительности. Кроме того, новое оценивание прошлого пришло с ценностно-философской рефлексией потерянного поколения, для которого Первая мировая война, в частности, как и межвоенный период, были лишены традиционного налета величия сражений и побед: культурным кодом становились скорбь, смерть, горе и память о бесчеловечности войны, которая была возведена в абсолют. Соответственно большое значение имели исследования Мориса Хальбвакса, который вдохновленный идеями Эмиля Дюркгейма, в 1925 г., издал книгу «Социальные рамки памяти», введя в научный оборот термин «коллективная память», таким образом показав социальность феномена памяти.

Парадоксальность же поворота памяти в постмодерне заключается в сочетании одновременного обращения к будущему при пересмотре прошлого и, скорее, его восприятия, отношения и осознания. Сложился даже некоторого рода стереотип, что 1960 и 1970 гг. были устремлены в будущее, а идея формирования справедливого общества еще казалась реальной и осуществимой. Однако последующие два десятилетия внесли свои коррективы, сделав прошлое все более и более притягательным для исследований, массового сознания и культуры.

Истоки философии мемориального поворота. Нам представляется, что интерес в разных его вариациях к прошлому пронизывает всю вторую половину XX в. и настоящее время. Скорее всего, каждое десятилетие объясняет эту потребность по-своему, выдвигая на первый план собственные аргументы. Для представителей Франкфуртской школы, как и для сторонников постструктурализма и постмодернизма, центром притяжения стали война и власть, критика Модерна, Просвещения в целом. Постоянная рефлексия над культурными кодами войны, попытка ответить на вопрос, как стали возможны Великая Отечественная война и Вторая мировая, Освенцим, геноцид и т. д. возвращали Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Деррида к причинам этого зла. Постмарксизм в лице Дж. Агамбена более чем рельефно продолжил эту линию.

Вопрос о сути и последствиях Модерна оказался на некоторое время одним из ключевых. Так, Дэвид Уэст, рассматривая походы к обозначению постмодернизма, в качестве одной из его предметных областей и причин появления отметил колониализм, Холокост, геноцид, войны – «Совокупное воздействие этих катастрофических событий недавней европейской истории, от империалистической бойни до нацистского геноцида, оказалось, таким образом, двойным вызовом модерну как самосознанию Запада. Является ли модерн достижением, которого Запад добился? И является ли модерн вообще достижением?» [10, с. 327]. Добавим, что далеко не только Запад несет ответственность за катастрофы недавнего прошлого человеческой цивилизации. Любые формы насилия (дискриминации и геноцид, будь они западными или восточными, северными или южными) недопустимы.

Однако не только реальные войны и их концепты, состояние травматичности стали причиной внимания к прошлому и рождению «Memory studies» как специального направления культурных исследований. Это было обусловлено, как нам представляется и зонтичностью, и трансферностью постмодерна, который включал, очевидно, слишком много вариантов будущего вследствие нового витка технологической революции и эпистемологических трансформаций.

Вторая половина 1980–90-х гг. была более чем насыщенной радикальными изменениями в Европе и мире, самыми значимыми из которых стали распад социалистической системы и появление независимых государств. Постколониальный период сопровождался поиском основ для их строительства и выработки цивилизационной стратегии развития. Поэтому прошлое, национальные традиции были структурообразующими, обладали духовно-ценностными смыслами в выстраивании будущего. Для Беларуси, в частности, это была волна Национально-культурного возрождения, на протяжении которой велась активная работа по ревитализации культурного наследия, возвращению забытых имен, языка и национальной памяти.

Научный дискурс о прошлом. Основа, заложенная постмодернистскими поисками, позволила оформить к концу XX в. – началу 2000-х гг. предметное поле исследований памяти. Возникли целые научные направления, представленные именами Мориса Хальбвакса, Марка Оже, Яна и Алейды Ассман, Пьера Нора, Джея Уинтера и многими другими авторами. Разнообразие подходов к экспликации памяти как к культурному, социальному, национальному и транснациональному объекту нашло воплощение в журналах «History and Memory», «Memory Studies», а также деятельности научных центров университетов Старого и Нового Света. Одним из ключевых достижений исследований и дискуссий стало осознание обусловленности памяти паттернами и темпоральными представлениями национальной культуры, наднациональными дискурсами, глобальной и локальной эпистемами. Особую роль в формировании и развитии нарративов памяти играет, как в частности, показали М. Эспань и М. Вернер, культурный трансфер¹. Фактически в его качестве выступают преподаватели, переводчики, туристы, тексты искусства и, конечно, медиа, постепенно сращиваемые с художественной и иными формами культуры.

Обращение к прошлому в конце XX в. и начале третьего тысячелетия, видимо, в условиях неопределенности и «текущести» еще больше усилила необходимость рефлексии над прошлым.

¹ См. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 811 с.

Говоря словами Алейды Ассман, «...надежды на будущее стали скромнее. Будущее утратило для нас притягательную силу, оно перестало быть той перспективной точкой схода, к которой устремлены наши чаяния, цели и планы» [2, с. 10]. По-видимому, подобная ситуация вызвана рядом факторов и требует «исторического и феноменологического осмысления» [12, с. 21].

Уже названная неопределенность оказалась своего рода триггером для поиска точек опоры, которыми стали для многих культур фундаментальные и часто традиционные ценностные и поведенческие паттерны; идеализация событий прошлого, особенно такого, в котором было «всем хорошо жить» или того, что наступило после победоносных событий. Как правило, подобные постмодерну «плотные» с точки зрения информационно-коммуникативного, мировоззренческого контекста эпохи сменяются консервативным временем, которое предлагает ощущение стабильности. В данном случае действует механизм компенсации, в котором прошлое рассматривается в качестве механизма и ресурса компенсации, позволяющей справиться с последствиями модернизации, способствующей сохранению чувства [6], точнее, постоянно возрастающей роли инноваций разных видов и форм. Однако такое объяснение внимания к прошлому было бы слишком простым. Скорее, к началу XXI в. изменился сам темпоральный дискурс. В принципе, ничего сверхнового и вызывающего в этом тезисе нет, если бы это не касалось так называемой западной культуры, которая для большинства носителей не только массового сознания, но и академической культуры ассоциируется с ориентацией на будущее. На наш взгляд, экспликация данного типа культуры, как и сам термин, весьма неопределенны и расплывчаты. Данный культурный тип многообразен и в темпоральной ориентации применительно к различным национальным культурным формам, на что указывали многие исследователи, в частности, Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тёрнер¹, в аспекте временных, исторических эпох. Поэтому не вполне целесообразно и огульно утверждать его изначальную нацеленность на будущее. Это, впрочем, не исключает трансформацию эпистемологических предпочтений и темпоральных ориентаций в конце XX и начале XXI вв., среди которых не только внимание к прошлому, но и изменение представлений собственно о времени и его протекании. Феномен симультанности и события (прошлого, настоящего и будущего) хорошо известен постмодерну и постмодернизму, эксплицирован в концептах ризомы, ацентрации, дифференса, архива.

Сетевой, ризоматичный принцип движения-развития Делёза нашел воплощение в технологии и мышлении дигитализации, охватившей конец XX в. и настоящее время. Пожалуй, именно цифровизация стала основополагающей реальностью для осознания темпоральности. Она изменила содержание и характер и коллективной, и индивидуальной памяти. Развитие интернета, возникновение смартфонов и социальных сетей, индустрии видеоигр, культурных индустрий в целом привели «к появлению таких важных концептов, как «коннективный поворот», «мобильная» и «глобальная память», «цифровой архив» «геймификация прошлого», без которых цифровую память невозможно рассматривать до сих пор» [8, с. 15].

Концепт архива, как и сам принцип архивирования, также видоизменились. Высказывание Мишеля Фуко относительно сути архива, как поля дискурсов власти, не утратило своего значения: «Мы не можем описать наш собственный архив, поскольку мы говорим только внутри него, подчиняясь его правилам; поскольку только он дает тому, что мы можем сказать... свои способы появления, свои формы существования и сосуществования» [11, с. 250]. Это значит, что заархивированное прошлое, делающее прозрачной границу между настоящим и будущим, продуцирует и инициирует кажущиеся нашими собственными потребности и знания. Это - с одной стороны. С другой – прошлое может быть исправлено («война правок») и зависеть от представлений и его понимания разными идеологическими, а значит, ценностно-культурными сторонами, точками зрения.

Проблема объективности прошлого. Утрачивает ли прошлое, как и настоящее, статус объективности в таком случае? Возможно, высказывание Жака Деррида о тотальности текста и

¹ См. Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. 4 типа корпоративной культуры. Минск: Попурри, 2012. 528 с.

архива по-прежнему сохраняет актуальность.¹ Если сама темпоральность, как и объекты памяти, становятся архивом и далеко не с точки зрения «архэ» как первоисточника, истины, то прошлое в виде определенных событий, дат, мест, традиции может отменяться и изменяться, предаваться забвению или вытесняться. Поэтому весьма существенным выглядит вопрос «что и как помнить». Так, с точки зрения презентизма, культура памятования исходит из того, что в настоящее из будущего берется лишь то, что соответствует текущей ценностной системе.² Вполне очевидно, что такой подход вряд ли будет способствовать сохранению исторической фактологичности (да и возможно ли она?). Однако сама история и методология ее изучения, в том числе в контексте памяти, трансформировались. Как указывает Л.П. Репина, «фактически в современной культурно-интеллектуальной истории реализуется комплексная программа обновленной методологии истории, которую наметил еще в 1991 г. выдающийся французский историк Ж. Ле Гофф» [9, с. 5]. Понимание истории как интеллектуальной жизни, ментальности и ценностных ориентиров означал и поворот в системе памятования. Однако проясняет ли это проблематику объективности памяти и истории или зависит от представлений социальных групп, власти, научной методологии, царящих в культуре стереотипов и мифологем, сказать сложно.

В этой связи уместной будет отсылка к идеям Пьера Нора, который неоднократно подчеркивал важность воспоминаний: память и места памяти не существуют вне процесса воспоминания о них и сопричастности с ними, то есть «заселения» их смыслами, образами и эмоциями: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» [7, с. 39]. Поэтому действительно важным является то, что и какое прошлое мы будем вспоминать, какими материальными, идеологическими, символическими и функциональными коннотациями наполняться наши личностные, коллективные, национальные, транснациональные воспоминания.

Сосуществование и размывание границ между формами темпоральности стали очевидными и в силу визуального поворота, неотъемлемого от развития медиа, цифровизации культуры, образа жизни личности и сообществ, а также от стремления выйти за пределы социально-властных контекстов языка, глобальных метанарративов, критика которых была столь значимой для постмодернистского дискурса. В этом контексте объяснимым является обращение Ролана Барта к фотографии: «Ничто, написанное, не в силах сравниться по достоверности с фото. Несчастье языка, а возможно, и присущее ему сладострастие, связано с тем, что он неспособен проверить собственную аутентичность. Ноэмой языка и является, вероятно, это бессилие или, выражаясь более определенно язык по природе своей основан на вымысле...» [3, с. 128], также Жиля Делёза к роли образности кинематографа, его связи с параметрами времени. Выделение им образов-движения (пространство-в-становлении), образов-действия (время-в-становлении) и образов-эмоции (переживания) есть отсылка к проблематике восприятия пространства и времени, смыкания пространства и времени и их эмоционального переживания, из чего следует актуальность проживания времени, которое становится образом [4].

Визуальный тип культуры, пришедший на смену оральному и вербальному, не исключаяющий их важность, фактически изменил характер восприятия окружающего мира, которое все более и более становится опосредованным образами. Как пишет Петр Штомпка, «...визуальная восприимчивость заменяет или дополняет восприимчивость текстовую.

¹См. Derrida J. *Archive Fever: A Freudian Impression*. Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1995. 113 p.

² См. Hartog F. *Regimes of historicity. Presentism and experiences of time*. NY.: Columbia University Press, 2015. 288 p.

Массовость изображения в нашем окружении приводит к тому, что мы наблюдаем окружающую действительность через призму образных стереотипов» [13, с. 8]. Итак, дигитализация и визуализация сделали возможность сосуществования, симультанности, перетекания форм темпоральности друг в друга более зримой. Однако это не отменило, а инициировало в определенной степени интерес к прошлому.

Внимание к нему усилилось и вследствие феномена тахогенности, как его назвал Одо Марквард, последствия которого приводят к тому, что «люди больше не взрослеют, потому что мы живем в век чуждости миру» [5]. Подобная чуждость формирует потребность в негативном, вернее, в освобождении от него. Механизмом компенсации-освобождения видится возвращение к прошлому, поэтому XX век (надо полагать и постсовременность, в общем, первая четверть XXI в. тоже) нуждается в прошлом: «Никакой век не уничтожил больше прошлого, чем наш, и никакой век в то же время не удержал больше прошлого: оно хранится в музеях, исполняется в консерваториях, охраняется экологией, собирается в архивах, реконструируется с помощью археологии, запоминается историей» [5]. Интересно, что в поле зрения политиков, ученых, представителей субкультур, в том числе создаваемых в цифровой виртуальной среде, входит проблематика коммеморации событий, которые определяются как травматические для национальной и транснациональной памяти в контекстах страдания, несправедливости, насилия, требующих «символического отмщения или хотя бы ее сохранения и видимости» [8, с. 23].

Память и травма. Возвращение к прошлому, маркируемому как травма, нередко выступает как явление коллективной идентичности. Однако, как показал Джеффри Александер, для того чтобы пережитая сообществом трагедия или социальный кризис стали травмой, необходимо их осознание как культурного фактора [1, с. 275]. Для нас это будет означать превращение пережитого в ценность, то есть объект, имеющий эмоционально и экзистенциально окрашенные смыслы, разделяемые большинством. Она (ценность) обладает интегративным характером, является местом, событием, вокруг которого возможно объединение разных социальных групп, испытывающих приблизительно одни и те же чувства – от горечи до гордости за сохранение памяти («мы помним»), общности и единства («мы народ») и т. д. Постепенно трансформируясь в традицию, культурная коллективная память заполняется выработанными и пополняющимися языками скорби в виде церемониала, памятников, мемориалов, художественных визуальных кодов в целом, научных исследований, книг, образовательных программ, официальной государственной идеологии. Для Беларуси, несомненно, таким событием является Великая Отечественная война, которая заняла в последнее время центрообразующее место в формировании культурной национальной идентичности. Так, день освобождения Минска стал Днем Независимости Республики Беларусь, подчеркнув тем самым факт физического и исторического выживания народа, очевидно, продолжая выполнять функцию скрепы разных поколений и социально-культурных групп.

За время суверенитета (с 1990-го г.) в Беларуси открылись новые места скорби – мемориальные комплексы, музеи, памятники, посвященные жертвам войны – «Красный берег» (на месте детского донорского концлагеря, Гомельская область), «Тростенец» (на месте четвертого после Освенцима, Майданека и Треблинки лагеря смерти, Минск), «Яма» (Минское гетто), Мемориальный комплекс памяти жертв фашизма «Урочище Пески» (на месте концентрационных лагерей для военнопленных и мирных жителей, Полоцк), Мемориал жертвам Городейского гетто (Городея, Несвижский район Минской области), новое здание музея Великой Отечественной войны (Минск), реконструкция мемориального комплекса «Хатынь» (Логойский район Минской области). Их визуальный язык, образность отражают общую ценностно-смысловую установку – недопущение войны как таковой, вечное напоминание о том, к чему она приводит – смерти, горю, разорению.

Апелляция к прошлому как к травме продуцирует способность переживать его снова и снова, а это, возможно, не только способствует сохранению памятования, как ценности идентичности и сплочения, но и вынесения за скобки самой боли от травмы. Однако не является ли непрекращаемый процесс переживания войн и других трагедий, например,

колониализма симптомом застревания в прошлом? Положительный ответ на этот вопрос означает фактическую невозможность видеть перспективы будущего, основанного на диалоге и понимании, а также провоцирует конфликт не только между формами темпоральности, но и культурами, народами, испытавшими насилие и подвергшихся насилию.

Мы полагаем, что потребность в апелляции к травматичному прошлому вызвана не столько негативностью образов и смыслов памяти и потребностью в них (хотя не без этого), сколько тем, что негативное таковым больше не является – оно замещено либо положительными коннотациями («победа»), или становится просто фактом, о котором нужно помнить, потому, что необходимо это делать для культурной, исторической, межпоколенческой преемственности, сохранения чувства единства. Либо эта потребность в апелляции служит напоминанием о том, чтобы событие никогда не повторялось (и не повторять) и поэтому еще одной мемориальной проблемой является то «для чего помнить».

Она охватывает разные аспекты социально-культурного и исторического существования личности и сообществ, слабо исследована и тесно связана с концептом «что и как помнить». Следует отметить, что коллективная память устроена сложно и неотъемлема от, как было сказано выше, этоса культуры стран и сообществ. Например, пандемия COVID-19, видимо еще не стала фактом культурной памяти для Беларуси, хотя ее последствия более чем серьезны с разных точек зрения. В то же время события и образность, активно визуализируемая в настоящее время представлена наглядно и ассоциируются опять-таки со Второй мировой войной, объединением белорусов, преодолением трудностей 1990-х гг. Очевидно, эти темы атрибутируются в качестве культурно значимых и служат теми самыми образцами, которые способствуют развитию конфигурации будущего.

Заключение. Прошлое, таким образом, продолжает оставаться ресурсом для настоящего и будущего, но меняет характер и содержание не только под воздействием технологий, дигитальности, визуальности, но и в силу отношения к нему носителей разных культур и их паттернов, транснациональных связей, наполнения самой памяти смыслами, функциями и символами, зависящими от того, «что, как и для чего помнить». Оно выступает и как маркер идентичности, может обладать способностью объединять и быть частью процесса культурного и социального наследования.

Использованная литература

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с англ. Б. Хлебникова, Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
3. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 222 с.
4. Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем», 2004. 624 с.
5. Марквард О. Эпоха чуждости миру? // Отечественные записки. 2003. № 6. / <https://www.magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html>
6. Marquard O. Zukunft braucht Herkunft. Philosophische Betrachtungen über Modernität und Menschlichkeit // Marquard Odo Zukunft braucht Herkunft: Philosophische Essays. Stuttgart: Reclam, 2003. S. 234–246.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
8. Павловский А.Ф. Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies // Память в сети: цифровой поворот в memory studies. Сборник статей под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 7–48.

9. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
10. Уэст Д. Континентальная философия. Введение / пер. с англ. Д.Ю. Калечкина. М.: Дело РПНХиС, 2015. 446 с.
11. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
12. Huyssen A. Presents pasts: Media, politics, Amnesia // Public culture. 2000. № 12 (1). P. 21–38.
13. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 168 с.

REFERENCE TO THE PAST IN THE CONTEXT OF THE MEMORIAL TURN OF POSTMODERNITY

Elina Usovskaya

Abstract: The past as an object of everyday reality and scientific understanding became one of the key ones in the second half of the twentieth century. and the present time. This is evidenced by the memorial turn of postmodernity and the formation of a separate branch of research relating to the problems of cultural, collective memory, philosophy and history. The article identifies the reasons and forms of turning to the past, and examines the philosophical and cultural aspects of the phenomenon of remembrance.

Purpose: to explicate the cultural and philosophical determinants of turning to the past in the context of the memorial turn of postmodernity.

Methodology: the article used systemic, functional, historical-cultural, visual-semiotic and comparative methods.

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the memorial turn as a phenomenon of postmodern culture.

Keywords: philosophical and cultural discourse, past, memorial turn, postmodernity, culture of the 21st century, temporality, visual turn, imagery, digitalization, memory, war.

KEÇMİŞƏ BAXIŞ POSTMODERNİN TARİXİ DÖNÜŞÜ KONTEKSTİNDƏ

Elina Usovskaya

Xülasə. Keçmiş, gündəlik reallığın və elmi düşüncənin obyektini kimi, yalnız XX əsrin II yarısında və müasir dövrimizdə açar rolunu oynamağa başladı. Bunu postmodernin tarixi dönüşü və mədəni kollektiv yaddaş, fəlsəfə və tarix problemləri ilə bağlı ayrıca tədqiqat sahəsinin formalaşması sübut edir. Məqalədə keçmişə baxışın səbəb və formaları tədqiq olunur, yaddaş fenomeninin fəlsəfi-mədəni aspektləri araşdırılır.

Məqsəd: Keçmişə baxışın fəlsəfi-mədəni determinantlarının postmodernə tarixi dönüş kontekstində aşkara çıxarılması.

Metodologiya: Məqalədə sistemli, funksional, tarixi-mədəni, vizual-semiotik və komparativ metodlardan istifadə olunmuşdur.

Məqalənin **elmi yaniliyi** ondan ibarətdir ki, burada tarixi dönüş mədəni postmodern fenomeni kimi, kompleks şəkildə analiz edilir.

Açar sözlər: fəlsəfi-mədəni diskurs, keçmiş, tarixi dönüş, postmodern, XXI əsrin mədəniyyəti, müvəqqətilik (temporalıq), vizual dönüş, obrazlılıq, rəqəmsallaşdırma, yaddaş, müharibə.